Шёл третий год Великой Отечественной войны. Советские войска побеждали, отступали – путь к Победе труден и кровав. Дорога к ней и праздничным залпам 9 Мая проложена не только наградами участников боёв, но вымощена и телами погибших, людскими судьбами, слезами вдов, жён и детей. Воевали на фронте и калмыки, прекрасные стрелки, отважные и бесстрашные солдаты и офицеры. Уже в августе 1941 года был сформирован Калмыцкий кавалерийский полк в составе семидесятой дивизии. К сожалению, почти в полном составе он погиб во время неудачного Харьковского наступления.

В 1943 году на территории Калмыцкой автономной республики фашисты чувствовали себя хозяевами. Тогда и началась чёрная полоса степного народа. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года стала осуществляться бесчеловечная операция «Улусы». Последнее слово означает административно-территориальную единицу у калмыков. Людей, признанных поголовно легализованными бандитами и пособниками фашистов, два дня насильно выселяли с родной земли, из родных домов. Происходило это так.

В дом Босхомжиевых вошли два бойца и оперработник НКВД. Тройка приказала быстро собрать документы на взрослых и детей. С собою разрешили взять груз весом с полтонны, по сто килограммов на человека. Это одежда и обувь, провизия, домашняя утварь, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, домашний скот. На сборы депортируемым отводилось до двух суток. Только чаще всего время зависело от настроения тройки. А какое оно было у исполнявших жестокий Указ, когда Босхомжиевы собирались

в неизвестность, не знаю. Не знают и дети Тимура Аркадьевича. А его уже нет в живых.

Оставляемое жильё, имущество, зерно и домашний скот нужно было сдавать по акту. Всё это должно, якобы, быть возвращено на новом месте жительства. Для подвоза депортируемых выделили 1335 советских автомашин и сто семьдесят высоких американских студебеккеров. Верблюдов, лошадей, коров туда было трудно затащить, их хозяева плакали, расставаясь с животными, судьба которых тоже была печальна. Коровы потом долго мучились от переполненного молоком вымени. Но опустели дома, никто не мог помочь кормилицам.

Не все калмыки были дома – их забирали с рабочих мест. Ни запасов продуктов, ни документов у застигнутых врасплох не имелось. Людей сразу же заставляли забираться в кузов машины. Оторванные от семей, несчастные потом искали родных, да многих ли находили…

Спрятаться, избежать депортации калмыки не могли. Во всех сёлах, хотонах, посёлках, городах были меняющиеся через три часа засады, круглосуточные дозоры и контрольно-проверочные пункты. Подлежали насильственной отправке даже женщины, вышедшие замуж за калмыков, и дети-метисы.

На фронте было непростое время. А тут для сопровождения и перевозок депортируемых направили третий мотострелковый полк внутренних войск НКВД СССР численностью более тысячи человек. Для скорейшего осуществления операции «Улусы» командировали более четырёх тысяч солдат и офицеров и тысяча двести двадцать пять служащих высших школ НКВД и НКГБ с тремястами офицерами. Из различных областей страны привлекли полторы тысячи кадрового оперсостава и десять тысяч воинского контингента. Вот какая армия соотечественников прибыла на землю калмыков,

чтобы выселить девяносто три тысячи коренного населения в неизвестность.

Босхомжиевы ещё не знали о предстоящем подневольном переезде, а на семью уже завели две карточки. Одна предназначалась для НКВД, другая – для коменданта поезда. Сорок шесть железнодорожных составов с неотапливаемыми вагонами были готовы для перевозки депортируемых.

Эти поезда проходили мимо нашей станции.

В доме Босхомжиевых не нашли оружия, вражеской литературы, валюты. Не подходили они ни под одну «опасную» категорию. Бабушка, мать, трое детей не являлись бандитами или пособниками фашистов. Все были калмыками – это приговор без суда и следствия. А ведь семья Босхомжиевых известна богатой историей. Предки верой-правдой веками служили Отечеству и немало сделали для его процветания.

Мать Тимура Аркадьевича – представительница почитаемого дворянского рода. По тем временам женщина имела высокое образование – Петербургское училище святой Екатерины, затем Московский институт иностранных языков. Бабушка была из фрейлин при дворце императора. Кто же отец? Ветеринарный врач. Только он не дожил до депортации: в годы сталинских репрессий арестовали и сослали без права переписки и расстреляли. Так что дети Тимура Аркадьевича не видели своего дедушку, не слышали его голоса, не делились с ним детскими мечтами и делами.

Босхомжиевых – мать, бабушку, троих детей – в сопровождении бойца НКВД погрузили в кузов машины. Там и без них было тесно. Дети плакали, женщины молились. Напуганных людей доставили на железнодорожную станцию.

В эшелон загружали не менее двух тысяч человек. Каждый состав переселяемых сопровождали два вагона. В первом ехали сорок вооружённых конвоиров. Второй был санитарным.

Только ни врача, ни двух медсестёр, которые должны были интересоваться состоянием здоровья депортируемых, никто не видел. Может, главная задача людей в белых халатах была в фиксировании умерших?

Вагоны были перегружены. Поэтому коровы, верблюды, лошади оставались на перроне. Овец ещё как-то удавалось затащить в вагоны, да и то не всех. Поезд тронулся. Тимур слышал, как верные друзья людей, собаки, лаяли. Через щели дырявого «телятника» мальчик видел, что они до последнего вдоха бежали за составом, увозившим их хозяев. Протяжно ревели верблюды, мычали коровы, блеяли бараны.

Печальная дорога.

Такой ужасной поездки у Тимура Аркадьевича больше никогда не было. Из-за перегрузки не все калмыки могли взять котомки с провизией и запасной одеждой, водой и молоком для детей. Переселенцы мёрзли – ветер продувал дощатые стены неотапливаемых вагонов. От голода, инфекций, стрессов на глазах мальчика умирали те, что сидели рядом. Тут он увидел, как уходит в мир иной человек.

Раньше других умирали старики и дети. Дольше всех держались женщины, снимавшие с себя верхнюю одежду и накрывавшие ею детей. Сначала умерших складировали в углу вагона. На стоянках тела выносили уже без верхней одежды, шапок, рукавиц и обуви. Всё это калмыки снимали с умерших, чтобы хоть как-то спасти от холода живых. К концу пути живых осталось только половина. Естественные потребности из-за отсутствия условий принародно справляли в продолбленных дырах пола. Люди еле держались на ногах, сидели или лежали, греясь о бока друг друга. Калмыки были похожи на узников концлагерей, только без полосатой одежды и выжженных на руках номеров.

Что такое кусочек хлеба и глоток воды, мальчик узнал в этой дороге по пути в Сибирь. Переселяемых должны были раз в день кормить и дважды давать кипяток. Но только должны. Бабушка Тимура до последнего дня жизни держала в чемодане под кроватью... высушенный кусок теста. В дни голода его можно было размочить и съесть. Вот какая страшная память о голоде заставляла женщину делать запас основного продукта.

На стоянках в вагон заходил вооружённый караул. Но все депортируемые были на месте. Никто из несчастных пассажиров не хотел выскочить и убежать, чтобы попасть под пули. Все мечтали выжить, хотя впереди была только неизвестность. Да у людей уже не хватало сил для громких разговоров или плача, до побегов ли…

В таких нечеловеческих условиях железнодорожные составы везли калмыков в Омскую, Новосибирскую, Томскую области и Алтайский край. Конечно, не все вынесли дорогу.

Где похоронены умершие, неизвестно. Может, их тела в уральских лесах, что вдоль железнодорожных путей, или в сибирских болотах. Может, они стали пищей для диких животных.

Завшивленных, грязных, истощённых, больных калмыков привезли в Новосибирск. Ко времени прибытия составов облкрайисполком подготовил автомашины и конные повозки для подвоза переселенцев в четырнадцать районов. В нашем районе депортированных расселили в девять сёл.

Разные источники располагают неодинаковой информацией о количестве прибывших в Новосибирскую область. Уже и потому приводимые мною данные условные. На шестнадцатое января 1944 года было 16 379 калмыков, из них мужчин – 2 775, женщин – 4 439, стариков – 1952. Сухие цифры, а сколько за ними трагичных судеб насильно переселённых людей?!

На разгрузку состава отводилось до шести часов. Это время только кажется большим. Депортированные еле опускались на перрон, помогали друг другу и совсем обессиливших несли на руках. Глотнув свежего морозного воздуха, люди задыхались. Одежда, обувь калмыков не годилась для сибирской зимы. Ребятишки плакали, держась за лохмотья одежд матерей. Переселенцы почти все не знали русский язык и со страхом вслушивались в незнакомую речь. Босхомжиевых привезли в Каурак Тогучинского района.

Депортированных размещали в пустующих домах, помещениях. В Кожурле, например, их определили в животноводческий корпус, что был на улице Гагарина. В Убинском часть прибывших поселили неподалёку от сегодняшнего охотничьего магазина.

Нелёгкую судьбу депортированных разделили и Тимур Босхомжиев. Как и все прибывшие, мальчик быстро понял: население не радо оборванным, измождённым людям непривычной внешности. Но сибиряки – люди добрые, потому осторожно и сначала в тёмное время суток приносили к местам проживания калмыков тёплую одежду, обувь, посуду, спички, картофельные очистки и даже хлеб. А ведь было военное время – люди сами голодали.

Относились к новосёлам по-разному. В Кожурле иные называли переселенцев оппортунистами, контрреволюционерами, а то и врагами. Нередко женщины, встречая депортированных, закрывали фартуками лица своих детей. Но чаще всего, увидев замерзающих на непривычном холоде молчаливых и неразговорчивых калмыков, сочувственно говорили:

– Несчастные. Горе-то какое.

Потерявшие силы, истощённые и инфицированные в дороге быстро умирали. В первые дни после приезда ушло в мир иной 263 человека. У калмыков не всегда хватало сил

долбить нашу замёрзшую землю, а местные не помогали. Что делать? Хоронили в снегу на краю кладбищ. Весной тела закапывали. Босхомжиевым повезло – все остались живы…

Согласно Указу депортированных нужно было вовлечь в сельскохозяйственные, рыболовецкие, промысловые артели. Полагалось помочь в строительстве домов, предоставив местные стройматериалы. Рабочих, служащих разрешалось использовать с учётом специальностей. В Убинском один калмык удостоился доверия работать в сбербанке. Мама Тимура сначала была кочегаром. Потом повезло: взяли учителем иностранных языков в Кауракскую школу. К сожалению, доверие быстро прошло.

К сибирскому климату Тимур привык ещё в пути. Мёрзли прежде всего ноги, руки можно было спрятать под верхней одеждой. Вот когда мальчик понял: на все случаи нужны правильно мыслящая голова, сила, воля и здоровье. Это стало правилом жизни Босхомжиева – человека, хирурга, главного врача, мужа, отца, деда.

Тимур Аркадьевич был примером служения людям любого ранга, от технички до самого главного человека в районе, от новорождённого до убелённого сединами старца. Да и сам он не сразу облачился в белый врачебный халат.

Первая специальность Тимура Аркадьевича – сварщик – пригодилась во время строительства больничного городка. Бывало, главный врач снимал белоснежный халат и надевал грубую брезентовую робу. Закрыв лицо сварочным щитом, брал в руки аппарат и трудился вместе с рабочими. Вспоминает В.А. Плут, который был крановщиком:

– Тимур Аркадьевич и плиты стропил, зацепляя и расцепляя блоки. Я спросил, почему, мол, работает не в кабинете, а на стройке. И что услышал? Денег мало выделяют, рабочим надо платить. Необходимо экономить. А главному врачу зарплату платят и без того.

Тимур Аркадьевич по своей природе максималист: не тратил время на мелкие дела, мыслил широко и масштабно. По словам В.А. Плута, этот человек при жизни создал себе памятник – первый в области больничный городок в провинциальном районе, далёком от Новосибирска. Владимир Алексеевич говорит:

– Тимур Аркадьевич много делал для людей, потому что ценил. И народ уважал его. А всё почему? Потому что Тимур Аркадьевич знал, что такое жизнь.

Согласна с В.А. Плутом. Думаю, что ценность жизни Боскомжиев ещё мальчиком понял в холодном вагоне по пути в Сибирь. Тимур мёрз, голодал вместе со всеми. Видел, как люди борются за свою жизнь и поддерживают друг друга до последней минуты. Его, как и всех ехавших в неизвестность, пугало будущее.

Вдали от родины нелегка жизнь на чужбине. Вспоминали депортированные калмыки покинутые дома, брошенных на произвол животных. Тосковали по ним с горечью, слезами, увидев во сне, просыпались от собственных криков. Постоянно мучили мысли о беспомощности перед произошедшим.

Дышали воздухом Сибири и вспоминали свой, наполненный ароматами степных трав. Пели калмыцкие песни, печальные в них темы… Часто героем песен был конь. Он связан с жизнью большинства калмыков. Конь – не только работяга и тема картины, стихов, но и еда. Верблюд тоже на родине служил людям. Его шерсть использовали для вязания носков и одежды.

Много чего вспоминали калмыки. Не знали они, увидят ли, вернутся ли в родные степи, хотоны, посёлки, сёла и города. Вернулись. Через четырнадцать лет. Это время ещё предстояло пережить, и надо было выжить.

Вспомнила недавний разговор со своим учеником Игорем Семёновым:

– Писал, что останешься на сверхурочную во Владивостоке. Почему вернулся?

– Соскучился по сибирским берёзкам. Не поверите, там постоянно рыбой нас кормили морской. Но убинская вкуснее. Запах прямо преследовал меня. Это же запах родины.

Еда – не просто утоление голода. Это культура, это национальные традиции. А они у калмыков, как у любой нации, сильные. Свои. Веками создаваемые.

Запах калмыцкого чая Тимур помнил. Он знал, как на далёкой родине готовят джамбу. Сначала мать кипятила воду, добавляла заварку, соль, молоко. После закипания перемешивала, тонкой струйкой переливала поварёшкой в кастрюлю. Этот сарх по традиции совершала она двадцать один, сорок девять или семьдесят семь раз. Затем напиток мать заправляла мускатным орехом, иногда добавляла специи. Потому аромат калмыцкого чая джамбу был насыщенный, а сам он сытный.

Джамбу для Босхомжиевых, как для всех калмыков, не просто напиток. Это благожелание в честь уважаемых гостей, рождения детей, встреч национальных праздников. Но не имелось у переселенцев ни мускатного ореха, ни молока коров, ни специй с вольных степей далёкой родины. А как этот чай был нужен калмыкам! Он придал бы силу ослабленным людям и исцелил от физических недугов. После приёма такого напитка долго не хочется есть. Тимур Аркадьевич обожал этот чай. Пробовала и я джамбу. Непривычно как-то, сытно, густо.

Бабушка Тимура скучала по горячему шоколаду. Если удавалось купить батончики, она размачивала их. Но то ли конфеты были не те, то ли вода…

Кожурлинские старожилы рассказывали, что калмыки очень тосковали по мясу баранов, выращенных в степи, в

сухом климате. Оно пахнет вольными травами и без характерного для Сибири привкуса. Приготовление баранины тоже требует особого подхода.

В кипящую воду бабушка и мама Тимура сначала опускали куски мяса, целиком картофелины и морковины. Лук они резали и складывали в чашу, которую ставили в центре стола. Праздничный шулюн пили из национальной посуды. Ох и запах шёл от пиал… А в Каураке вихрастый парнишка радовался кусочку хлебушка с солью да пустым чаем. В голодное время такое счастье – поесть.

Сибиряков многое удивляло в традициях калмыков. Ни один из переселенцев не переступал через огонь, не заливал его водой, ибо огонь – олицетворение Бога солнца. Без жертвоприношения ему не состоялись бы свадьбы Босхомжиевых бабушки с дедушкой, матери с отцом Тимура. Огнём на родине очищали дом, обходя жилище с востока на запад.

Усвоив русский язык, который переселенцам давался с трудом, они не употребляли нецензурщины. Это у калмыков считается словесной трескотнёй. Разговаривали между собой приезжие на родном языке, живом, гибком, беглом, с местными жителями – на русском вперемешку со своим.

Отцов калмыки называли на «вы». Не было среди переселенцев пьющих. Живя в тяжёлых условиях, испытывая недостаток еды, одежды, не просили они милостыню, не воровали. Примером для сибиряков была и семейная гармония калмыков, которую дети перенимали у родителей.

Ежемесячно депортированные отмечались у поселковых комендантов. Без пристального внимания этих людей не оставались как взрослые, так и дети. У комендантов имелись большие полномочия, а переселенные были как бесправны, так и зависимы от воли и настроя людей, которые в Сибири могли вершить без того трагичными судьбами калмыков. И

всё же удалённые от родной земли переселенцы при всём желании не смогли сохранить в Сибири многие элементы и черты материальной и духовной культуры. Но они возродили это, вернувшись в Калмыкию.

В Убинский район Тимур Аркадьевич приехал с русской женой, тоже доктором Лидией Михайловной. Она была акушером-гинекологом, хорошей хозяйкой и матерью двоих детей. Трудовые биографии обоих закончились в нашем районе.

Всё могло сложиться иначе, если бы семья Босхомжиевых согласилась вернуться на родину предков за государственный счёт. В январе 1957 года Указом Верховного Совета Союза СССР образовалась Калмыцкая автономная область в составе СССР. Ответственные работники Калмыцкого облисполкома вели в Сибири разъяснительную работу по возвращению депортированных. Люди были перед выбором: начинать практически всё с нуля на исторической родине или оставаться в Сибири. На семейном совете Босхомжиевы решили, что не уедут.

Босхомжиевы остались. Тимур окончил Новосибирский мединститут. Убинский район получил хорошего хирурга и акушера-гинеколога. В семье родились сын и дочь, которые тоже получили высшее медицинское образование.

О супругах Босхомжиевых – старших не раз писала районная газета. За спасённые жизни им благодарны тысячи убинцев. Босхомжиевы – младшие трудятся в той же ЦРБ. Теперь сноха Тимура Аркадьевича главный врач. У сына та же специальность, что и у папы.

***

Трагичная история калмыцкого народа. Ей посвятили творения писатели, музыканты, художники, скульпторы. Эрнст Неизвестный создал мемориал «Исход и возвращение». Сюда

люди приходят с цветами, здесь плачут о тех, чьи могилы не на родной земле.

Есть и ещё один памятник. Вдоль железнодорожного пути, на котором стоит вагон, четырнадцать камней. Ровно столько лет депортированные калмыки не видели родную землю.

В Убинский краеведческий музей пришло письмо из Калмыкии с просьбой рассказать о судьбах депортированных в наш район. Это стало предметом исследования. Работники музея создали видеофильм о насильно переселённых. Старожилы Убинского и автор этих строк рассказывают в нём о стойких людях, перенёсших тяготы жизни на чужбине. Думаю, что если состоится презентация фильма, многие люди придут и добрым словом вспомнят Тимура Аркадьевича.

Достойный вклад в развитие здравоохранения области внёс наш земляк Т.А. Босхомжиев. С 1962 по 1994 годы этот человек был главным врачом Убинского района. Но не все знают, что не по своей воле он, как и другие десятки тысяч калмыков, оказался в Сибири. Потому речь идёт не об одном Тимуре Аркадьевиче. Этот материал – маленькая лепта в отображение депортации многострадального калмыцкого народа.

28 декабря в Калмыкии печальный день памяти. Он нерабочий. Люди будут вспоминать тех, кто был насильственно выселен, чьи судьбы были изломаны. Но дети Тимура Аркадьевича – коренные сибиряки, а потому будут работать. Они служат людям…

Галина Антошина родилась в Томске, окончила Томский университет, работала преподавателем, в настоящее время ведёт при Убинской районной газете клуб «Поиск».